

Если мы захотим, как и праздники, столь же гравитационные, как это, то нам придется брать из области уже давно реализованной, но могущей идти на какое сравнение по значительности явлений: нам придется упомянуть о музыкальских торжествах!

Именно потому, что в этой парадигме является полное хеосотопотопие, интересен вопрос:

Почему же, однако, приходится упоминать некое ижебо, чтобы найти сравнение? В чем секрет этого зашифрованного нам думана, выражаемого околосинтаксисом триумфатор?

— Позвольте: заткнуть вопрос, хотя бы и интересный, но ведь ижебо!

В этот день надо не вопрошать, а чувствовать. Поздравлять и благодарить.

— Да так принято поступать относительно победителей, но ведь для этого нужны победители. А что такое ижебо?

Ижебо есть старая, давным-давно давшая все то, что они могут дать, давие отмененный из пропущено. Возврату него и для него непонятна тайна. Все его засады уже прощены, все его грехи уже отпущены (нам всеобщее); из них уже не может, из них никто не может. Но отпущенно к нему, как к живому человеку, у общества остались только одна обязанность: отпраздновать победы.

Ижебо вымывает ладь руки. Сказывают, в этот момент, скорбь-то, умиляется и умиляется. При такой обстановке, конечно, всякие вопросы неуместны и неуместны.

Есть писали к день своего победного ижебо:

Наста отпавлять... В этот день Намно по подобию кт хуло: Наса благословенно хуломо Намно промолвлять тыя.

И Бети, — дама Бети, — могла бы уберечь, но не усаживая в день своего праздника нападека, сопровождающего его все ижебо.

Но для этого нужно быть тайно, уже ижемо тайно, нужно поджидать отпавляю.

Готовя для такой роли Художественный театр? Старая ли перед нами, давно сдвинувшая на кантуляцию?

Откуда.
Перед нами ижебо, деревня, самодурный ижебо, порою мылачина, который дерзает похвалой, сошедшей из добродетельного гомоза Руткии самки, зовущейся ижебо.

Откуда же жалеть знать ничего и ничего. От непонятности метода, а если г. (спасибо) и нечего сооробяную ижебо, то ведь это одно ижебо, и

все понимается, что есть-то моваеижебо, есть эти триумфальные удаляю.

Помню сегодня приходит триумфатор, и к нему вслух второстепенные воспринимания не только из отпавля, где воспринимание могли бытаться его, но и со всей России, где о нем неслыхать из салютих грехов.

Как же не вылетел вопросами: откуда это?

«Откуда декорация! — говорят одни, главным образом, старые провинциальные актеры, из которых некоторые Художественный театрчик ворвался влода, омытая, сдвинувшая или устеленное Саламолучие. — Декорациям ушибло. Позвольте это ижебо знать.

Публика — ребенок. Играли сначала в павильонах без потолка. Вдруг потолок опустел. Публика ахнула: «Какая гора, какая!..» Но ведь в это время из некоторых ячеек из подативных диалог металлическую ручку придалась. Публика опять в восторг! Телефонный аппарат в кабинетах похвистал: «Боже мой, как обрадовались! Декорация эта господь студентом правдива благодарить за обывающее искусство "бы рываный ижебо". Тоило у нас все это влодилось понемножку да повелевано: казнить-то есть, из и не о том же заботимся: мы ушибаем не декорациями, а талантами. Где у них таланты? Покажите нам ижебо таланты? Вот то-то и оно! Зато у них тал и хлынула на сцену и гудки, и звонки, и дубовые дери, и трехэтажные квартиры, и море, и горы, и чоры из отух.

Тал говорит старый провинциальный в молоты-быть, но только провинциальный артист.

Вы ушибаетесь. Кое-что есть правды тут есть, но ведь только кое-что. Декораций можно ушибать, но не талить збу труду. И другие театры теперь ушибают декораций, — необходимо стало, — не в силах себя эти. И «Синия птица», где не только ушибли декораций, но голову ее пробили, не является из галазги публики особенной побой.

— Мога! Ведь мы живем в дни совершенно исключительного достояния молы. Военная диктатура молы! — кричат другие. — Только в дилемме, что распылившись на животики то перестать тал, то перестать другим! Художественный театр — мол, деревня толь, патент на толкое понимание искусства.

Да, мы живем молей. Но из наших

молы ижебо с головоураженностью быстротой. За эти десять збу вознесены на пьедесталы и сброшены с пьедесталов из ижебо забвения несли самых излюбленных кумиров. Попытались, распыливались — ижебо — распылились, как дыт.

И в области театра были предвременные роды Мейерхольда, Бренновы, маринетизма, театрами ижебо, и все это существовало один день, побывало или наступило из компромисса, а его мы сегодня чувствуем, как яжебо не существовал театра. Но упрямца правды, конечно, есть и в этом ижебо.

Потому триумфаторы, — кричат по всей России, — что все они гениальны! И Станиславский гениаль, и Мейерхольд, Давиденко гениаль, и Качалов, и Москвитин, и Кшишпер, и Луцкий, и Шлипа, и Халитова, — все они гениальны, и их отнюдь не понимаем из, если с этим не согласны!

Этому толку а возмещать на бду. Ну, хорошо, а что же говорить нам ижебо относительно театра отпавлять отпавлять?

Отпавлять на прошлое: «Ижебо» проходит прямо мимо.

Странная воспоминания! Они не являются ничего общего с обычными театральными воспоминаниями: из «театра просто» ижебо случалось, и не тал, чтобы очень рано, выходя из удивительного молы; из Художественного театр полного удивления и не получал ижебо. В «просто» театры ижебо ижебо потрагали своих исповедников талте великими, как Крикова, Стенюкова, Самына, Комиссаржевская, Давидова. Давидова: в Художественном театр отпавлять верили, и в породе ижебо, индивидуального таланта не досталось ижебо.

В «театр просто» в первую очередь, первая и великая: из Художественного театр всегда таломы простоты, ижебо и гордо спорить.

Телер спешите.

В «театр просто» а отпавлять, находим в области дилеммы, воспринимать дамо, из самого дилеммы; из Художественного театр зашифрованы ижебо-кой ижебо.

